

Переписка графа С. Ю. Витте и П. А. Столыпина.

Въ февральской книжкѣ *Русской Мысли* за 1914 годъ я на основаніи официальныхъ данныхъ писалъ объ историческомъ двукратномъ покушеніи на жизнь покойнаго графа С. Ю. Витте. По поводу прекращенія этого дѣла гр. С. Ю. Витте и занимавшій тогда постъ премьера П. А. Столыпинъ обмѣнялись весьма интересными письмами. Еще въ прошломъ году, когда я писалъ статью о покушеніи, гр. С. Ю. Витте далъ мнѣ возможность снять копію этой переписки, взявъ съ меня слово огласить ее лишь послѣ его смерти.

Помимо интереса, который имѣетъ эта переписка, касающаяся одного изъ характернѣйшихъ эпизодовъ, сопровождавшихъ первые годы функционирования новаго строя, письма эти служатъ цѣннымъ матеріаломъ для характеристики обоихъ дѣятелей, занявшихъ въ исторіи Россіи опредѣленные мѣста.

Начало переписки положилъ гр. С. Ю. Витте. 3 мая 1910 г. онъ обратился къ Столыпину съ весьма пространнымъ письмомъ:

Милостивый Государь

Петръ Аркадьевичъ!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Государю Императору благоудно было освободить меня отъ должности Предсѣдателя Совѣта Министровъ, я уѣхалъ за границу и не спѣшилъ вернуться въ Россію, но 6 октября 1906 года мною получена была отъ извѣстнаго Вашему Высочайшему Превосходительству князя М. М. Андронникова телеграмма, въ которой онъ убѣждалъ меня не возвращаться, такъ какъ меня рѣшено убить. Это предупрежденіе заставило меня поспѣшить пріѣхать въ Петербургъ.

Вечеромъ 29-го и затѣмъ утромъ 30-го января 1907 г. въ дымовыхъ трубахъ моего дома, по Каменноостровскому пр., въ которомъ я постоянно живу, обнаружены были двѣ адскія машины, начиненныя сильнѣйшимъ взрывчатымъ веществомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого я получилъ, одно за другимъ, два анонимныхъ письма, въ которыхъ отъ меня требовали прислать по означенному адресу 5,000 рублей, указывая при этомъ, что хотя покушеніе на мою жизнь посредствомъ адскихъ машинъ не удалось, но тѣмъ не менѣе бу-

дѣть устроено новое. Оба письма были переданы мною подлежащимъ властямъ— первое Директору Д-та Полиціи, второе дежурившему у меня агенту охраннаго отдѣленія. О томъ, что было сдѣлано по этимъ письмамъ, мнѣ неизвѣстно.

Въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца того же (1907) года Членъ Гос. Совѣта И. П. Шиповъ, на основаніи свѣдѣній, случайно имъ полученныхъ отъ бывшаго Директора Д-та Полиціи А. А. Лопухина, предупредилъ меня, что во время слѣдованія моего въ ближайшее засѣданіе Гос. Совѣта въ мой автомобиль будетъ брошена бомба. Я не собрался ѣхать въ это засѣданіе, но послѣ полученнаго извѣстія поѣхалъ и, возвращаясь домой, часть пути прошелъ пѣшкомъ. Никакого покушенія на мою жизнь сдѣлано не было. На другой день я прочелъ въ газетахъ, что въ окрестностяхъ Петербурга найденъ убитымъ неизвѣстный молодой человѣкъ, около трупа котораго оказались разрывные снаряды. Впоследствии, какъ изложено будетъ ниже, было установлено, что означенные снаряды изготовлены были въ Москвѣ и привезены въ Петербургъ съ цѣлью совершить покушеніе на мою жизнь и что руководителемъ этого преступленія былъ агентъ полиціи.

Прошло почти три года. Въ нынѣшнемъ году, 1 февраля, въ третью годовщину покушенія взорвать мой домъ, судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ округа Спб. Окружнаго Суда объявилъ мнѣ постановленіе, въ копіи къ сему прилагаемое, въ коемъ, между прочимъ, изложено, что организаторъ и руководитель покушеній на мою жизнь, Александръ Казанцевъ, убить его же соучастникомъ Василіемъ Федоровымъ, который скрылся за границу, и хотя мѣсто нахожденія его въ Парижѣ обнаружено, но правительство Французской Республики отказывается выдать его русскимъ властямъ въ виду политическаго характера совершонныхъ имъ преступленій, и что другой соучастникъ Казанцева, крестьянинъ Алексѣй Степановъ, несмотря на принятія мѣры, остался неразсысканнымъ.

На основаніи подлежащихъ законовъ и въ законѣ установленномъ порядкѣ, я получалъ отъ судебного слѣдователя копіи протоколовъ и постановленій изъ слѣдственнаго производства о покушеніи взорвать мой домъ и о приготовленіи бросить бомбы въ мой экипажъ. Ознакомившись съ этими матеріалами, я пришелъ къ нижеслѣдующимъ выводамъ:

1) Предварительное слѣдствіе, хотя оно недостаточно полно, дополнять уже несвоевременно, а въ виду изложеннаго ниже, пожалуй, и безцѣльно;

2) если правительство Французской Республики могло бы измѣнить свой взглядъ на возможность выдачи русскимъ властямъ Василю Федорова для суда надъ нимъ, какъ надъ обыкновеннымъ убійцей, а не преступникомъ политическимъ, то русскому правительству не слѣдуетъ настаивать на такой выдачѣ, такъ какъ разсмотрѣніе дѣла на судѣ обнаружило бы обстоятельства, выясненіе которыхъ... болѣе чѣмъ нежелательно;

3) по тѣмъ же соображеніямъ не слѣдуетъ принимать мѣръ къ розыску скрывшагося обвиняемаго Алексѣя Степанова, если его дѣйствительно трудно найти, тѣмъ болѣе, что пребываніе его на свободѣ мнѣ лично въ настоящее время, повидному, опасностью не угрожаетъ.

При такихъ обстоятельствахъ, казалось бы, мнѣ надлежало ограничиться роспискою въ полученіи постановленія о прекращеніи слѣдствія; но я не могу допустить, чтобы Вашему Высокопревосходительству и Г. М-ру Юстиціи было извѣстно въ достаточной полнотѣ все то, что частью обнаружено, частью оставлено безъ вниманія полицейскими, а затѣмъ и слѣдственными властями, такъ какъ я убѣжденъ, что правительстве, руководимое желаніемъ блага Россіи, не

может не принять всѣхъ зависящихъ отъ него мѣръ къ искорененію тѣхъ порядковъ, при которыхъ жизнь, имущество и честь каждаго обывателя будутъ находиться въ опасности, а преступники будутъ пользоваться безнаказанностью, потому что арестъ ихъ и преданіе суду могутъ выяснитъ преступную дѣятельность организацій не только терпимыхъ, но и поощряемыхъ... или явно неразборчивыми на средства при исполненіи возлагаемыхъ на нихъ порученій.

Исключительно съ указанной точки зрѣнія, я обращаюсь къ Вашему Высокочтимому письму съ настоящимъ письмомъ, принимая на себя ответственность въ томъ, что все въ немъ изложенное основано на актахъ, составленныхъ судебными властями. Буду весьма благодаренъ, если на основаніи ст. 1 Учр. Сов. М-ровъ (Св. Зак. т. I, ч. II, продолж. 1906 г.), Вамъ будетъ угодно ознакомить съ этимъ письмомъ Гг. Членовъ Совѣта Министровъ“.

Далѣе въ письмѣ графъ С. Ю. Витте подробно излагаетъ обстоятельства, обнаруженныя предварительнымъ слѣдствіемъ, извѣстныя читателямъ по моей статьѣ въ февральской книжкѣ *Р. М.* за 1914 годъ, которыя приводятъ его къ слѣдующему выводу:

„Совокупность приведенныхъ выше, основанныхъ на актахъ предварительнаго слѣдствія, данныхъ, не касаясь другихъ подробностей дѣла, даетъ мнѣ право утверждать: 1) что двукратное покушеніе на мою жизнь было организовано членомъ С. Р. Н. Александромъ Казанцевымъ, дѣйствовавшимъ, повидимому, съ вѣдома и согласія нѣкоторыхъ другихъ членовъ той же политической партіи, причемъ названный Казанцевъ, организаторъ неудавшихся по независимымъ отъ него причинамъ преступленій, во время приготовленія къ таковымъ, состоялъ агентомъ на жалованіи у лица, находящагося на государственной службѣ, проживавъ подъ чужимъ именемъ и по чужому паспорту, полученному отъ должностныхъ лицъ, находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чинами охранной полиціи и снабжался „темными“ деньгами; 2) что частныя охранныя организаціи устраивались въ Москвѣ подъ руководствомъ лицъ, состоящихъ на государственной, но не полицейской службѣ, причемъ, съ вѣдома и согласія чиновниковъ, въ полиціи не служащихъ, члены означенныхъ организацій имѣли свою задачей и занимались охраною не только лицъ должностныхъ, но и видныхъ дѣятелей политической партіи; 3) что съ вѣдома и согласія, если не по указанію, лицъ, состоящихъ на государственной службѣ по администраціи, агентъ указанныхъ выше охранныхъ организацій Александръ Казанцевъ, съ цѣлью политическаго розыска, выдавалъ себя за члена революціонныхъ партій и склонялъ лицъ, дѣйствительно къ означеннымъ партіямъ принадлежащихъ, принимать участіе въ совершеніи террористическихъ актовъ, посредствомъ разрывныхъ снарядовъ, влѣдствіе чего означенное провокаторство, даже если бы оно имѣло бы свою цѣлью исключительно уловленіе террористовъ, угрожало общественной безопасности; 4) что подобная организація и постановка дѣла охраны вынуждаетъ чиновъ государственной охраны, сыскной и даже наружной полиціи, въ извѣстныхъ случаяхъ, подобныхъ случаю убійства агента Казанцева, не только не выяснять важныя уголовныя преступленія, но сознательно бездѣйствовать и, быть можетъ, даже принимать мѣры къ предоставленію виновнымъ возможности скрыться отъ слѣдствія и суда, дабы при гласномъ сужденіи дѣла не обнаружить, что должностныя лица, довѣряя извѣстнымъ политическимъ партіямъ, пользуются ихъ услугами, имѣютъ общихъ съ ними агентовъ по охранѣ и даже тайно содѣйствуютъ имъ, выдавая агентамъ этихъ партій содержаніе, а въ пзвѣстныхъ случаяхъ фальшивые паспорта и оружіе, и 5) что то же положеніе вынуждаетъ..., какъ это было въ дѣлѣ о двукратномъ покушеніи на меня, вести

слѣдствіе боязливо, слегка, не рѣшаясь путемъ обысковъ и вообще болѣе эпергическихъ дѣйствій раскрыть дѣло, хотя достаточно ясное, но столь же нежела- тельное и могущее имѣть дурныя послѣдствія для карьеры...“.

Роль Казанцева графъ Витте опредѣляетъ словомъ: „провокакторъ“.

Что онъ именно провокакторъ, графъ доказываетъ слѣдующими со- ображеніями:

„Въ настоящемъ письмѣ мнѣ пришлось употребить выраженіе „провокакторъ“ и примѣнить такое къ агенту Казанцеву. Считаю необходимымъ пояснить, что если по отношенію къ Василію Федорову, Семену Петрову и Алексію Степа- нову Казанцевъ являлся агентомъ-провокакторомъ, то по отношенію къ преступ- леніямъ, противъ меня направленнымъ, Казанцевъ не ограничился ролью про- вокатора, шелъ дальше и имѣлъ въ виду не только изловить и избличить того или другого максималиста, но и воспользоваться ихъ услугами, чтобы совершить настоящее убійство. Доказательство сему налицо:

1) Не удается взрывъ 29 января, Казанцевъ, по словамъ Федорова, пытается повторить его на слѣдующій день.

Если бы это покушеніе имѣло цѣлью дать возможность захватить на мѣстѣ преступления Федорова и Степанова, Казанцевъ устроилъ бы засаду 29 января утромъ. Случай для преданія Федорова и Степанова въ руки полиціи былъ пре- восходный, ихъ изловили бы съ веревками и адекими машинами на крышѣ моего дома. Казанцевъ не предалъ Федорова и Степанова, значитъ, ему не это было нужно.

2) Когда ему это полезно, Казанцевъ предаетъ своихъ соучастниковъ. Се- менъ Петровъ во время переговоровъ о томъ, чтобы взорвать мой домъ, начи- наетъ какъ бы колебаться, и его на улицѣ, по указанію Казанцева, арестуютъ, а впоследствии высылаютъ въ Архангельскую губернію. Если Казанцевъ имѣлъ въ виду только предать Петрова,—онъ свою задачу исполнилъ. Но ему какъ будто мало, что Петровъ въ Архангельскѣ, и онъ вызываетъ его въ Москву, чтобы уговорить повторить неудавшееся покушеніе на мою жизнь. Очевидно, что ему нуженъ не вторичный арестъ Петрова, а ичѣто другое,—пужо убить меня.

3) Когда Казанцевъ въ концѣ мая отправлялъ Федорова и Петрова въ Пе- тербургъ, онъ свабжаетъ ихъ паспортами. Если бы онъ желалъ только предать ихъ, онъ бы самъ составилъ паспорта на извѣстное имя, предупредилъ бы объ этомъ петербургскую полицію, какъ онъ предупредилъ ее въ мартѣ мѣсяцѣ, когда раскрылъ террористическій заговоръ. Но это не входило въ расчеты Ка- занцева, и онъ даетъ Федорову и Петрову „чистые“ паспортные бланки и только по настоянію ихъ заполняетъ эти бланки текстомъ.

4) Почему именно Семенъ Петровъ нуженъ Казанцеву? Почему онъ не береть съ собою въ Петербургъ того самаго портного Алексія Степанова, кото- рый, подъ видомъ трубочиста, уже изучилъ, какъ влѣзть на крышу моего дома, и доказалъ, что убить меня онъ тоже не прочь...? Вѣдь Алексій Степановъ какъ разъ находится подъ рукою въ мастерской самого Казанцева, между тѣмъ какъ Семена Петрова пужо выписывать изъ архангельской тюрьмы. Думается мнѣ, что это можно объяснить такъ: Алексій Степановъ не имѣетъ за собою ника- кого революціоннаго формуляра; за деньги онъ, вѣроятно, не откажется метнуть бомбу въ кого угодно, но его участіе въ дѣлѣ особаго, специфическаго значенія имѣть не можетъ—убійца наемный и только. Другое дѣло Семенъ Петровъ—это бывшій членъ совѣта Рабочихъ Депутатовъ, арестованный, какъ это онъ самъ

говорилъ, въ декабрѣ 1905 года, когда я, графъ Витте, стоялъ во главѣ правительства. Съ одной стороны Петровъ, зная, что въ 1905 г. члены совѣта Рабочихъ Депутатовъ были арестованы по моему распоряженію,—охотно пойдетъ мстить мнѣ и за себя, и за своихъ товарищей. Съ другой стороны при раскрытіи заговора—смыслъ его будетъ очевиденъ: графъ Витте приказалъ въ 1905 г. арестовать Петрова. Петровъ былъ сосланъ, теперь онъ бѣжалъ изъ Архангельской губерніи и явился въ Петербургъ убить графа Витте. Убійство, очевидно, политическое, партійное, Петровъ рабочій депутатъ, очевидно, онъ сторонникъ крайнихъ лѣвыхъ партій, причемъ же правыя политическія партіи въ дѣлѣ о покушеніи на жизнь графа Витте? Ни Петрову, ни Федорову, конечно, не могутъ повѣрить, что ихъ подстрекнулъ на убійство Казанцевъ, и не повѣрятъ по двумъ причинамъ: 1) Казанцевъ членъ С. Р. Н., ему довѣрена охрана высшихъ представителей администраціи, онъ уже доказалъ правительству свою преданность, раскрылъ террористическій заговоръ въ мартѣ мѣсяцѣ того же года, 2) если даже покажется, что Казанцевъ вель себя подозрительно, то онъ представить свидѣтельство о томъ, что онъ агентъ, занимающійся политическимъ розыскомъ, и, конечно, другіе полицейскіе агенты его не тронутъ и о его дѣятельности судебной власти не сообщать, чтобы не нарушить профессиональную тайну.

5) И такъ, именно Семень Петровъ, или человекъ одного съ нимъ революціоннаго типа и нелегальнаго положенія, желателенъ былъ организаторамъ покушенія, чтобы объяснить таковое, какъ террористическій актъ, задуманный и приведенный въ исполненіе революціонерами. Съ этой точки зрѣнія, смѣю думать, не лишеной нѣкоторой вѣроятности, можно бы сказать, что въ сущности все покушеніе въ концѣ мая 1907 года, накануне роспуска 2-ой Г. Думы и изданія закона 3 июня, имѣло своею цѣлью исключительно возмутить общественное мнѣніе противъ лѣвыхъ политическихъ партій, а, можетъ быть, и вызвать со стороны правительства болѣе энергичныя мѣры въ борьбѣ съ ними. При такой постановкѣ вопроса моя личность какъ бы отходитъ на второй планъ, такъ какъ оказывается, что заговоръ направленъ былъ вовсе не лично противъ графа Витте, а противъ лѣвыхъ политическихъ партій вообще, я же являлся только случайнымъ объектомъ преступленія..., не говоря уже о томъ, что лично мнѣ отъ этого не легче, т. к., въ случаѣ удачи заговора, меня все же убили бы, но только не изъ личной вражды или мести, а какъ бы для общей пользы, позволяю себѣ думать, что выборъ меня, какъ жертвы заговора, не былъ случайнымъ и вотъ почему. Правыя политическія партіи не могли не видѣть, что на убійства частныхъ лицъ, какими являлись убійства Герценштейна и Юлоса, правительство реагировать, въ смыслѣ желательномъ партіямъ, не будетъ, а между тѣмъ культъ убійства, какъ средства политической борьбы, все же представлялся некультурнымъ лже-патріотамъ лучшимъ средствомъ борьбы, единственною надеждою побѣдить. Лицъ, у власти стоящихъ, убивали сами революціонеры, но правымъ партіямъ казалось, что правительство не достаточно энергично реагируетъ на такія преступленія, общественное же мнѣніе слишкомъ уже привыкло къ убійствамъ не только городовыхъ и жандармовъ, но и лицъ, занимающихъ болѣе высокія должности, и такимъ убійствами оно не возмущается. Если убивать за счетъ лѣвыхъ, то нужно было искать такую жертву, убійство которой, во-первыхъ, вызвало бы сенсацію, а во-вторыхъ, нужно было, чтобы никто не сомнѣвался, что убили лѣвые, а не правые, дабы не повторилась печальная исторія съ убійствомъ въ Теріокахъ; наконецъ, несомнѣнно, необходимо было, чтобы выборъ жертвы былъ одобренъ если не всѣми, то многими политическими единомышленниками заговорщиковъ. Всѣмъ этимъ условіямъ моя личность вполне

удовлетворяла: и по бывшему положенію председателя Совѣта Министровъ, и Министра, и какъ Статсъ-секретарь Его Величества, и членъ Г. Совѣта, я стоить болѣе чѣмъ достаточно высоко, и убійство меня являлось незауряднымъ и сенсационнымъ; участіе въ убійствѣ рабочаго депутата Семена Петрова, по моему распоряженію, въ свое время арестованнаго, показывало бы, что убили меня „лѣвые“, что же касается послѣдняго условія, то полагаю распространяться на эту тему незачѣмъ—достаточно просмотрѣть любую „истинно правую“ газету, чтобы узнать, что я, графъ Витте, первый измѣнникъ Государю и Отечеству, я творецъ непамятной всѣмъ „истинно-русскимъ людямъ“ и „патріотамъ“ русской конституціи, я ставленникъ жидовъ, и т. д., и т. д.

Болѣе подходящаго отвѣтника для сведенія политическихъ счетовъ и расчетовъ „патріотамъ“, вдохновляющимъ агента Казанцева, было трудно найти; вотъ почему, конечно, не по собственному разумѣнію, а по указанію людей, и умственно и по социальному положенію своему выше стоящихъ, Казанцевъ, заговоромъ противъ меня, однимъ ударомъ компрометтировалъ лѣвыя политическія партіи, давалъ поводъ правительству вступить на путь репрессій и, это главное, не только мстил графу С. Ю. Витте, но и уничтожалъ навсегда „врага отечества“. Очевидно, цѣль была достаточно замачлива, чтобы оправдать средства, дѣломъ нужно было заняться серьезно и всесторонне. Имъ и занялись, несомнѣнно, не управляющіе домами московскихъ чиновниковъ, любителей политическихъ розысковъ, и не содержатели фантастическихъ кузницъ, подобныя Казанцеву, а лица съ болѣе виднымъ общественнымъ положеніемъ, съ болѣе серьезными связями. Казанцевъ находилъ, когда было нужно, Федоровыхъ, Степановыхъ и Петровыхъ, но кто называлъ самого Казанцева—вотъ вопросъ?—Я могу разрѣшить его только для себя и позволяю себѣ не оглашать моего мнѣнія.—

Отъ направленныхъ противъ меня злоумышленій я лично, благодаря Бога, физически не пострадалъ. Было бы неестественно, если бы во мнѣ зародилось чувство злости по отношенію къ такимъ субъектамъ, какъ Василій Федоровъ и ему подобные. Но могу смотрѣть на нихъ не иначе, какъ на палачей-добровольцевъ, которыхъ возили изъ города въ городъ для исполненія приговоровъ, постановленныхъ неизвѣстными имъ судьями. Не мпогимъ выше этихъ наемныхъ убійцъ стоялъ и самъ Казанцевъ, трагическая смерть котораго исключаетъ уже всякую возможность предположить съ моей стороны желаніе еще болѣе выяснитъ его достаточно выясненную личность. Съ полнымъ презрѣніемъ я отношусь къ нелѣпымъ сплетнямъ о томъ, что покушеніе взорвать мой домъ было фиктивное, чуть ли не мною самимъ устроенное. Опровергнуть эту пошлость мнѣ было болѣе чѣмъ легко опубликованіемъ хотя бы только нѣкоторыхъ документовъ предварительнаго слѣдствія. Я вынужденъ также оставить безъ вниманія заявленіе, сдѣланное въ Г. Думѣ въ засѣданіи 10 ноября 1908 г. членомъ Думы Келеповскимъ, что я подожгилъ себѣ въ печку адскія машины „для саморекламы, а потомъ устыдился и замолчалъ“, хотя заявленіе это я считаю для себя весьма оскорбительнымъ только потому, что оно осталось безъ опроверженія со стороны правительства не только въ засѣданіи Г. Думы, но даже въ многочисленныхъ органахъ печати, находящихся на его иждивеніи.

Но если, какъ частный человекъ, я могу презирать некорректное ко мнѣ отношеніе и относиться равнодушно къ преступленіямъ, противъ меня направленнымъ, если я могъ бы молчать о тѣхъ вопіющихъ явленіяхъ, какія не раскрыло, а только намѣтило предварительное слѣдствіе, когда оно коснулось дѣятельности такихъ органовъ правительственной власти, какъ графъ Бугсевденъ и г. Гсфштеттеръ, изъ которыхъ первый, какъ сказано въ постановленіи слѣдо-

вателя отъ 30 декабря 1908 года, „занимался совмѣстнымъ съ Казанцевымъ сыскомъ по политическимъ дѣламъ“, несмотря на то, что „политическій сыскъ“ Казанцева являлся явною провокаціею по отношенію къ членамъ революціонныхъ партій и прямымъ соучастіемъ въ убійствахъ и покушеніяхъ на убійство, если я долженъ предоставить заботу объ искорененіи этого зла всецѣло правительству, то соображенія особаго рода не дозволяютъ мнѣ съ покорностью, молчаливо росписать въ разностной книгѣ судебного слѣдователя въ полученіи извѣщенія о прекращеніи дѣла.

Соображенія эти слѣдующія: и я высказываю ихъ Вашему Высокопревосходительству съ полною откровенностью: *я не желаю*, чтобы кто-либо могъ предположить, а впоследствии и громко сказать, что *я вѣрилъ* тому, что убить меня хотѣли какіе-то „лишенные столицы“, безпаспортные „товарищи“, руководимые мелкимъ сыщикомъ-провокаторомъ; *не желаю* я и того, чтобы сочли меня настолько непроницательнымъ, что, имѣя въ рукахъ огромный слѣдственный матеріалъ, послѣ тщательнаго ознакомленія съ нимъ при участіи компетентнѣйшихъ юристовъ, я будто бы не понялъ закулисной стороны дѣла; наконецъ, *я не желаю*, чтобы меня справедливо упрекнули въ немѣнни мужества громко сказать, что главные и истинные виновники двукратнаго покушенія на жизнь Вашего предмѣстника по званію предсѣдателя Совѣта министровъ не предстали на судъ не потому, что ихъ не могли обнаружить, а потому...

Если бы я былъ частнымъ лицомъ—я бы обратился къ общественному мнѣнію, напечаталъ бы акты слѣдственного производства и комментировалъ ихъ. Положеніе, которое я занимаю, и все мое прошлое, конечно, совершенно исключаютъ возможность такого образа дѣйствій. Но я смѣю думать, что вся указанная выше закулисная сторона дѣла Вашему Высокопревосходительству неизвѣстна, что, ознакомившись съ нею, Вы примете мѣры къ прекращенію террористической и провокаціонной дѣятельности тайныхъ организацій, служащихъ одновременно и правительству и политическимъ партіямъ, руководимыхъ лицами, состоящими на государственной службѣ и снабжаемыхъ „темными“ деньгами, и этимъ избавите и другихъ государственныхъ дѣятелей отъ того тяжелаго положенія, въ которое я былъ поставленъ“.

Ровно семь мѣсяцевъ спустя, а именно 2 декабря 1910 года, П. А. Столыпинъ отвѣтилъ графу письмомъ слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь;

Графъ Сергій Юльевичъ,

Письмомъ отъ 3 мая сего года Ваше Сіятельство довели до моего свѣдѣнія о выводахъ, и влеченныхъ Вами „при участіи компетентнѣйшихъ юристовъ“ изъ слѣдственныхъ матеріаловъ по дѣлу о двукратномъ покушеніи на Вашу жизнь. Вы полагаете, „что главные и истые виновники не предстали на судъ не потому, что ихъ не могли обнаружить, а потому, что правительственные органы обнаружить ихъ и судить не желала“. Вместе съ тѣмъ Вы не допускаете, чтобы мнѣ и министру юстиціи были извѣстны въ достаточной полнотѣ всѣ обстоятельства дѣла, и сообщаете о Вашихъ соображеніяхъ, прося ознакомить съ ними и другихъ членовъ Совѣта министровъ.

По этому поводу я прежде всего считаю долгомъ удостовѣрить, что фактическая сторона дѣла о покушеніяхъ на Вашу жизнь была уже мнѣ извѣстна ранѣе во всѣхъ подробностяхъ на основаніи непосредственнаго ознакомленія съ данными слѣдствія; письмо Ваше не дало мнѣ ничего новаго. Равнымъ образомъ

и теперь, послѣ того, какъ слѣдственные матеріалы, въ связи съ полученіемъ письма Вашего, были вновь разсмотрѣны, какъ мною, такъ и, по моей просьбѣ, министрами юстиціи, я ни въ чемъ не могу измѣнить рапѣ сложившагося у меня отношенія къ этому дѣлу.

Пересмотръ данныхъ слѣдствія для сопоставленія ихъ съ Вашими сообщеніями, а затѣмъ отсутствіе Ваше изъ Петербурга и задержали настоящій отвѣтъ мой на Ваше письмо.

Въ отвѣтъ этомъ я позволяю себѣ ограничиться исключительно разборомъ фактической стороны выдвигаемыхъ Вами обвиненій противъ полиціи, судебныхъ властей и правительства.

Первое. Ваше утвержденіе, многократно повторяемое, заключается въ томъ, что главный виновникъ покушенія на Вашу жизнь Александръ Казанцевъ—былъ самъ агентомъ полиціи, состоялъ на жалованіи у лица, находящагося на государственной службѣ, проживалъ по чужому паспорту, полученному отъ должностныхъ лицъ, находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ чинами охранной полиціи и снабжался „темными“ деньгами.

Данными предварительнаго слѣдствія заявленіе это не подтверждается. По дѣлу не установлено, чтобы Казанцевъ состоялъ агентомъ охраннаго отдѣленія или какого-либо иного правительственнаго розыскаго учрежденія или имѣлъ отъ подлежащей власти уполномочіе на занятіе розыскомъ... Ни одному изъ охранныхъ отдѣленій или Губернскихъ жандармскихъ управленій онъ въ качествѣ сотрудника или филера извѣстенъ не былъ. Изъ слѣдственныхъ данныхъ можно заключить, что Казанцевъ занимался сыскомъ, по въ качествѣ идейнаго добровольца, по личной инициативѣ, за свой страхъ и рискъ, при чемъ однажды, дѣйствительно, сообщилъ добытыя имъ свѣдѣнія властямъ. Въ 1907 году, по указанію Казанцева, переданному черезъ посредство чиновника для особыхъ порученій при Московскомъ генераль-губернаторѣ, графа Буксгевдена, Московскому, а затѣмъ и Петербургскому охранному отдѣленію, въ С.-Петербургѣ на Лиговкѣ былъ обнаруженъ складъ бомбъ и оружія и задержано нѣсколько революционеров. Изъ этого случая, однако, не слѣдуетъ, что Казанцевъ состоялъ на службѣ по охранѣ: такія добровольныя заявленія о готовящихся преступленіяхъ не рѣдки. Не можетъ служить доказательствомъ и то, что Казанцевъ самъ въ кругу своихъ близкихъ называлъ себя „главнымъ контролеромъ сыскаго полиціи“ или говорилъ, что онъ служитъ въ Государственномъ Контролѣ по политическимъ дѣламъ. Подобныхъ учрежденій не существуетъ, а въ правительственныхъ розыскаихъ органахъ Казанцевъ не служилъ. Такими заявленіями онъ, повидимому, просто стремился возвысить себя и придать себѣ особый вѣсъ въ глазахъ своихъ слушателей, разумѣя подъ „контролемъ“ свой добровольный сыскъ, являвшійся, по его понятіямъ, какъ бы повѣркой розыска officialнаго.

Что касается отношеній Казанцева къ графу Буксгевдену, то слѣдствіемъ установлено, что Казанцевъ состоялъ на службѣ у графа въ качествѣ управляющаго его домами въ Москвѣ; служба эта была не фиктивною, а дѣйствительною: онъ наблюдалъ за имуществомъ Буксгевдена, отдавалъ распоряженія и собиралъ деньги съ квартирантовъ. Казанцева соединяли съ графомъ Буксгевденомъ не только эти имущественныя отношенія, но и общность политическихъ убѣжденій и вражда къ преступнымъ организациямъ лѣвыхъ партій; однако, слѣдствіемъ не подтвердился ни предположеніе о томъ, будто гр. Буксгевденъ принадлежалъ къ существовавшимъ въ то время въ Москвѣ добровольнымъ охраннымъ дружинамъ, ставившимъ себѣ цѣлью помощь полиціи по охранѣ высшихъ должностныхъ лицъ и лидеров монархическихъ организацій, ни сомнительное показаніе сожитель-

ницы Казанцева, Илларионовой, о томъ, будто Казанцевымъ былъ полученъ отъ гр. Буксгевдена фальшивый паспортъ.

Агентомъ тайной правительственной полиціи, вопреки Вашему предположенію, Казанцевъ не состоялъ.

Второе. Ваше утвержденіе заключается въ томъ, будто чины государственной охранной и даже наружной полиціи сознательно бездѣйствовали, не желая раскрыть виновныхъ въ покушеніи на Вашу жизнь. Обвиненіе это Вы основываете на слѣдующемъ: 1) Вамъ осталось неизвѣстныхъ, было ли что-нибудь сдѣлано чинами департамента полиціи по анонимнымъ письмамъ, переданнымъ Вами и заключавшимъ въ себѣ требованіе денегъ и предупрежденіе о новомъ покушеніи; 2) второй разрывной снарядъ въ дымоходѣ Вашего дома былъ обнаруженъ не полицейскими и судебными властями, а дворникомъ и трубочистомъ; 3) послѣ обнаруженія покушенія, виновники его, въ частности главный изъ нихъ Казанцевъ, не были розысканы вплоть до того времени, когда въ прокламаціи с.-револ. партіи Казанцевъ не только былъ названъ по имени, но и рассказана вся его дѣятельность; 4) личность убитаго Казанцева была намѣренно не опознана ни однимъ изъ агентовъ охранной полиціи, тогда какъ не знать его они не могли; при этомъ не былъ примѣненъ и приемъ опроса участковыхъ приставовъ и дворниковъ, „не исчезъ ли кто-нибудь изъ столичныхъ обывателей такихъ-то примѣтъ“, и 5) Вы допускаете, что полиція намѣренно дала возможность соучастникамъ Казанцева Федорову и Степанову скрыться.

По этому поводу считаю долгомъ сообщить:

Объ угрожающихъ письмахъ съ требованіемъ денегъ, полученныхъ Вами и переданныхъ департаменту полиціи, было произведено разслѣдованіе; однако, въ швейцарскую Народнаго Дома, куда должны были, по условію, явиться за отвѣтомъ, никто не приходилъ, и выяснить злоумышленниковъ тогда же не удалось. Съ писемъ снята была фотографія, и по фотографіи этой и было установлено послѣдствіи, что письма написаны рукою Казанцева.

Находка второго разрывного снаряда не полиціей, а дворникомъ и трубочистомъ, которые *предупредили* въ этомъ чиновъ полиціи, не можетъ быть объясняема злымъ умысломъ тѣмъ болѣе, что осмотръ Вашего дома производился не только чинами полиціи, но и судебными властями, и притомъ немедленно послѣ обнаруженія покушенія, когда о подозрѣваемой Вами „закупленной сторонѣ дѣла“ ни у кого не могло возникнуть мысли.

Неуспѣшность розысковъ лицъ, виновныхъ въ покушеніи на Вашу жизнь, если оставить въ сторонѣ невѣрное предположеніе, будто Казанцевъ самъ былъ агентомъ полиціи, находитъ себѣ болѣе простое объясненіе въ томъ, что преступленіе было задумано Казанцевымъ вполне конспиративно и приведено въ исполненіе двумя революціонерами, Федоровымъ и Степановымъ, которые одни только и были посвящены въ дѣло, пріѣхали для совершенія преступленія изъ Москвы и тотчасъ же уѣхали обратно, такъ что для раскрытія дѣла въ распоряженіи полиціи не было достаточныхъ данныхъ.

Столь же простое объясненіе, если отрѣшиться отъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія, получаетъ и фактъ неопознанія найденнаго трупа Казанцева. Лицо убитаго было настолько сильно обезображено, что узнать его не представлялось возможнымъ.

Что касается непримѣненія для установленія личности Казанцева, убитаго внѣ предѣловъ Петербурга, опроса чиновъ полиціи и дворниковъ, не исчезъ ли кто изъ обывателей въ предѣлахъ ихъ участка, и всѣ ли ночевали дома, то техника сыскаго дѣла относится къ такому приему отрицательно. Не говоря про

ночлежные дома и безчисленные притоны столицы, гдѣ никакая регистрація немыслима, всегда возможны и обыденныя отлучки: поѣздки въ пригороды, ночевать у знакомыхъ или въ гостиницѣ. Къ тому же примѣты убитаго, въ виду его обезображенія, не могли быть подробно указаны.

Предположеніе о томъ, что полиція не пренягтовала и даже помогала виновнымъ Федорову и Степанову скрыться, относится къ области голословныхъ умозаключеній, и въ этой общей, неопредѣленной формѣ не можетъ быть ни доказано, ни опровергнуто.

Третье утвержденіе Ваше заключается въ томъ, будто судебныя власти вели слѣдствіе боязливо, слегка и не только не желали раскрыть дѣло, но даже опасались энергичнымъ его веденіемъ „испортить свою карьеру“.

Я рѣшительно отвергаю и этотъ упрекъ и тѣ доводы, которые Вы приводите въ его подкрѣпленіе.

Вы указываете, что на первыхъ же порахъ усилія слѣдствія были направлены, „подъ вліяніемъ инсинуацій крайней правой печати“, не столько къ раскрытію виновниковъ покушенія на Вашу жизнь, сколько къ установленію симуляціи этого преступленія. Но предположеніе о симуляціи возникло въ первыя минуты слѣдствія, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что первая изъ адскихъ машинъ могла быть положена въ трубу изнутри дома Вашего Сіятельства, на что наводило отсутствіе на веревкѣ саж, слѣды которой должны были оказаться и дѣйствительно оказались при пробномъ опусканіи груза сверху черезъ трубу.

Разъ для такого предположенія,—оказавшагося вполнѣ ошибочнымъ,—были поводы, то не заяться его разборомъ слѣдственная власть не имѣла права. Что же касается вліянія правой печати, то о „симуляціи“ печать заговорила значительное время спустя,—уже послѣ того, какъ обнаружилось, что снаряды и не могли взорваться. Опроверженіе подобныхъ толковъ, какъ въ печати, такъ и въ стѣнахъ Гос. Думы, едва ли входитъ въ обязанности правительства и скорѣе является Вашимъ личнымъ дѣломъ.

Далѣе Вы находите, что судебный слѣдователь ошибочно направилъ дѣло къ прекращенію вмѣсто того, чтобы произвести обыски и аресты въ средѣ членовъ правыхъ монархическихъ организацій. Но для того, что бы производить обыски и аресты и привлекать къ слѣдствію, необходимы законныя и достаточныя основанія. Между тѣмъ въ дѣлѣ имѣлось лишь общее, не заключавшее въ себѣ даже косвенныхъ указаній на опредѣленныхъ лицъ, умозаключеніе свидѣтеля Гурьева и показаніе Тхоря, не внушающее никакого довѣрія ни по личнымъ качествамъ этого свидѣтеля, выгнаннаго изъ союза русскаго народа за растрату, постоянного обитателя ночлежныхъ домовъ,—ни по содержанію этого показанія, болѣе похожего на сплетни.

Дальнѣйшій ходъ слѣдствія, когда были обнаружены дѣйствительныя виновники преступленія—Казанцевъ и Федоровъ—лишь подтвердилъ правильность образа дѣйствій слѣдственной власти, ибо всѣ мѣры, предпріятыя съ цѣлью выяснить прикосновенность членовъ союза рус. народа къ преступленію Казанцева, привели къ отрицательнымъ результатамъ. Въ частности, слѣдствіемъ съ несомнѣнностью установлено, что самъ Казанцевъ членомъ Союза не состоялъ.

Предположеніе о причастности къ преступленію члена союза рус. народа графа Буксгевдена слѣдствіемъ не подтвердилось. Равнымъ образомъ показаніе о соучастіи въ дѣлѣ предсѣдателя главнаго совѣта союза р. народа доктора Дубровина, данное Пруссаковымъ, выгнаннымъ Дубровинымъ изъ редакціи *Русскаго Знамени*, при повѣркѣ оказалось также голословнымъ. Самъ Казанцевъ никакого отношенія къ Дубровину не имѣлъ и никогда у него не бывалъ.

Недовольство судебнымъ слѣдователемъ Вы основываете также на томъ, что дѣло о покушеніи на жизнь Вашу было поставлено въ связь съ дѣломъ объ убійствѣ въ Москвѣ журналиста Юлоса только 27 мая 1907 г., между тѣмъ какъ еще въ концѣ марта мѣсяца у Московской сыскной полиціи, а затѣмъ и у слѣдственныхъ властей были въ рукахъ анонимныя письма, въ которыхъ има убитаго Юлоса и Ваше, какъ приговоренныхъ къ смерти, поставлены были рядомъ.

Не считая себя призваннымъ указывать, какъ именно должны вести слѣдствіе судебныя власти, я могу лишь отмѣтить, что дѣло о покушеніи на жизнь Вашу было поставлено въ связь съ убійствомъ Юлоса непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ выяснилась общность ихъ виновниковъ; одного же упоминанія въ анонимныхъ письмахъ Вашего имени рядомъ съ именемъ Юлоса, въ числѣ многихъ другихъ именъ, было, по мнѣнію слѣдствія, не достаточно.

Послѣднее указаніе Вашего Сіятельства на то, что постановленіе слѣдователя о временномъ пріостановленіи дѣла было сообщено Вамъ лишь въ третью годовщину покушенія взорвать Вашъ домъ, объясняется производившимися розысками, сношеніями о выдачѣ Федорова съ правительствомъ Французской Республики и установленными въ законѣ сроками. Если бы требуемая закономъ слѣдствіемъ дѣйствія не были исполнены и сроки не были соблюдены, то Ваше Сіятельство имѣли бы дѣйствительныя основанія для упрека по адресу судебныхъ властей, будто бы, поторопившихся „замять дѣло“.

Такимъ образомъ слѣдствія по дѣламъ о преступленіяхъ, совершеннымъ Казанцевымъ и Федоровымъ, доведены до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ ихъ можно довести безъ нарушенія законовъ. Принимая во вниманія, что установленный закономъ 6-мѣсячный срокъ со дня публикаціи о сыскѣ обвиняемыхъ истекъ, что бывший подстрекателемъ на жизнь Вашего Сіятельства Казанцевъ за смертью не можетъ подлежать привлеченію въ качествѣ обвиняемаго, что обстоятельства совершенія преступныхъ дѣяній, составляющихъ предметъ настоящаго дѣла, и мотивы выяснены слѣдствіемъ, причѣмъ не добыто достаточно данныхъ относительно соучастія въ дѣлѣ другихъ, кромѣ Федорова и Степанова, лицъ, судебный слѣдователь по важн. дѣламъ Александровъ 1-го февраля 1910 г. постановилъ представить Окружному суду о временномъ пріостановленіи сужденія о скрывшихся обвиняемыхъ.

Находя, съ своей стороны такой ходъ слѣдствія правильнымъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не усматриваю, какимъ образомъ правительство могло бы, при усвоенномъ нашимъ закономъ началѣ независимости судебной власти, по своему разумѣнію направлять судебное слѣдствіе, указывать, какъ его вести, кого привлечь и т. п.; подобное вмѣшательство въ ходъ слѣдствія по какому бы то ни было дѣлу я считаю принципиально недопустимымъ.

Наконецъ, *четвертое* утвержденіе Ваше состоитъ въ томъ, что правительство не настаиваетъ на выдачѣ Федорова и не принимаетъ мѣръ къ розыску Степанова будто бы потому, что для правительства выясненіе настоящаго дѣла „болѣе чѣмъ не желательно“. И въ этомъ отношеніи Вы фактически ошибаетесь: розыскъ скрывшагося революціонера Степанова продолжается, Русское правительство категорически настаивало на выдачѣ Федорова, но требованіе это Французскимъ правительствомъ уважено не было, въ виду политическаго характера вѣняемыхъ обвиняемому преступленій.

Такимъ образомъ, вопреки высказанныхъ Вамъ предположеній

1) обстоятельства дѣла о покушеніи на Вашу жизнь мнѣ, министру юстиціи и Совѣту министровъ точно извѣстны;

2) главный виновникъ этихъ покушеній, Казанцевъ, агентомъ правительства полиціи не былъ;

3) полиція принимала необходимыя мѣры къ розыску виновныхъ;

4) слѣдствіе по этимъ дѣламъ велось согласно закону, а по существу въ ходъ судебного слѣдствія правительство не вмѣшивалось и не имѣло права вмѣшиваться; наконецъ,

5) Русское правительство настаивало на выдачѣ убійцы Казанцева—Василія Федорова, но получило въ этомъ отказъ.

Выводы, основанные Вашимъ Сіятельствомъ на противоположныхъ этому, ошибочныхъ представленіяхъ, лишены такимъ образомъ реальной основы.

Что же касается того общаго освѣщенія, которое дается дѣлу въ письмѣ Вашего Сіятельства, то оно напоминаетъ заключительную часть извѣстной прокламаціи соц.-револ. партіи отъ 19 іюня 1907 г., выпущенной по поводу убійства Казанцева и цитируемой Вашимъ Сіятельствомъ. Конецъ этой прокламаціи въ газетахъ не былъ напечатанъ, и я не знаю, извѣстенъ ли онъ Вамъ. Вотъ его текстъ“.

Здѣсь П. А. Столыпинъ приводитъ текстъ прокламаціи, послѣ чего заключаетъ свое письмо слѣдующими словами:

„Общій смыслъ этого отрывка, если не считать крайностей его фразеологій и упоминанія Высочайшаго Имени, въ сущности близокъ къ заключительной части Вашего письма; но Ваше Сіятельство согласитесь, что входитъ въ какую-либо полемику по поводу утвержденій подобнаго рода я не могу. Мой долгъ былъ—опровергнуть фактическую сторону этихъ,—по Вашему же признанію неправдоподобныхъ, но всетаки повторяемыхъ Вами обвиненій; отъ оцѣнки ихъ я воздерживаюсь.

Идя на встрѣчу высказанному Вами пожеланію, я ознакомилъ Совѣтъ министровъ съ содержаніемъ Вашего письма отъ 3 мая сего года и съ настоящимъ моимъ отвѣтомъ“.

Это письмо не осталось безъ отвѣта.

16 декабря С. Ю. Витте пишетъ П. А. Столыпину:

„Вашему Высокопревосходительству угодно было 2 сего декабря, черезъ 7 мѣсяцевъ, почтить меня отвѣтомъ на письмо мое отъ 3 мая с. г. Если бы письмо Ваше ограничилось сообщеніемъ, что лично Вы не позволите признавать правильными выводы, сдѣланные мною изъ данныхъ предварительнаго слѣдствія по дѣлу о двукратномъ покушеніи на мою жизнь (попутно и на жизнь моей жены и дочкадцевъ), я бы не считалъ удобнымъ вновь утруждать Предсѣдателя Совѣта министровъ и пытаться доказывать основательность моихъ заключеній, допуская, что, являясь по дѣлу лицомъ потерпѣвшимъ, я могу быть и менѣ объективнымъ, чѣмъ глава Правительства, и, разумѣется, менѣ компетентнымъ въ оцѣнкѣ слѣдственнаго матеріала, чѣмъ министръ юстиціи, на авторитетное мнѣніе котораго сдѣлана ссылка въ письмѣ отъ 2-го сего декабря. Но при томъ вниманіи, съ которымъ я долженъ былъ отнестись къ письму главы правительства, я убѣдился, что, говоря объ одномъ и томъ же дѣлѣ, В. Высокопревосходительство... и я приходимъ къ различнымъ выводамъ потому, что или мы пользуемся различными для выводовъ нашихъ данными или же я, будучи человекомъ въ данное время относительно необремененнымъ занятіями и къ тому же близко въ дѣлѣ заинтересованнымъ, имѣлъ возможность всесторонне лично изучить обширный слѣдственный матеріалъ, между тѣмъ Вамъ и министру юстиціи таковой, вѣроятно, былъ доложенъ въ видѣ неполномъ и невѣрномъ.

Первое изъ приведенныхъ предположеній врядъ ли окажется правильнымъ. Копиі слѣдственныхъ актовъ получены мною отъ судебныхъ слѣдователей и я не желалъ бы предполагать, что въ основаніе письма отъ 2 декабря положены какіе-либо иные матеріалы, кромѣ тѣхъ, которые провѣрены и установлены черезъ слѣдственную власть, уваженіе къ которой, высказанное Вашимъ Высокопревосходительствомъ, мною всецѣло въ принципѣ раздѣляется. Поэтому я предпочитаю остановиться на второмъ предположеніи: при громадности лежащихъ на Васъ заботъ, Вы не могли, безъ сомнѣнія, лично ознакомиться съ подлиннымъ слѣдственнымъ производствомъ, лица же, представившія Вамъ и министру юстиціи докладъ по дѣлу, вѣроятно, не сумѣли отдѣлить существенныхъ данныхъ отъ второстепенныхъ и, несомнѣнно, оставили безъ вниманія, а слѣдовательно и не доложили Вамъ нижеслѣдующихъ данныхъ, которыя я и цитирую дословно по актамъ слѣдственнаго производства и которыя безусловно не согласны съ тѣмъ, что положено въ основу выводовъ, къ которымъ пришли Ваше Высокопревосходительство...

Переходя къ изложенію указанныхъ неувѣрностей, я ограничусь лишь самымъ существеннымъ и, какъ матеріалъ для доказательства высказаннаго мнѣнія, избираю исключительно самые неоспоримые документы—постановленія судебныхъ слѣдователей и составленные ими протоколы.

Въ письмѣ Вашемъ отъ 2 декабря сказано:

1. „По дѣлу *не установлено*, чтобы Казанцевъ состоялъ агентомъ охраннаго отдѣленія или какого-либо иного правительственнаго розыскаго учрежденія или имѣлъ отъ подлежащей власти уполномочіе на занятіе розыскомъ и снабжался *темными деньгами*“.

Вопросъ о томъ, былъ ли Казанцевъ, руководившій двукратнымъ покушеніемъ на мою жизнь, въ услуженіи полиціи или нѣтъ, составляетъ, какъ извѣстно, главную суть всего дѣла, а потому понятно, что Ваше Высокопревосходительство поставили во главѣ Вашего письма предыдущее утвержденіе.

Между тѣмъ допрошенные на предварительномъ слѣдствіи лица показали:

а) Городовой Спб. Столичн. Полиціи, бывшій жандармъ Тихонъ Запольскій (допрошенъ 8 августа 1907 г.): „Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца прошлаго (1906) года Половневъ и мужчина, портретъ котораго мнѣ предъявленъ (Казанцевъ), подошли ко мнѣ и отрекомендовались *Агентами Охраннаго Отдѣленія*. Въ подтвержденіе своихъ словъ они предъявили мнѣ *удостоверенія Охраннаго Отдѣленія*. Удостоверенія эти состояли изъ визитныхъ фотографическихъ карточекъ предъявителей, на коихъ *имѣлась печать Спб. Охраннаго Отдѣленія и подпись полковника Герасимова*“.

б) На допросѣ 2 іюля 1907 г. графъ А. А. Буксгевденъ показалъ: „Личныя мои порученія Казанцеву заключались въ слѣдующемъ: иногда я его *посылалъ въ охрану* при разныхъ выѣздахъ и торжествахъ для *охраны* должностныхъ лицъ... Иногда самъ Казанцевъ заявлялъ мнѣ, что у него имѣются свѣдѣнія о готовящихся террористическихъ актахъ и грабежахъ со стороны лѣвыхъ партій или о лицахъ, участвовавшихъ въ этихъ актахъ, на это я *ему предлагалъ собрать самую точную свѣдѣнія по этому поводу и сообщить ихъ мнѣ*... Ивана Леонтьева Коробова я знаю, *по рекомендаціи Казанцева*, онъ поступилъ въ дружину Русскаго народа для *охраны* какъ лидеровъ партій, такъ и *должностныхъ лицъ*... За тѣ свѣдѣнія о дѣятельности революціонныхъ партій, которыя мнѣ сообщалъ Казанцевъ, я *иногда* давалъ ему деньги *въ награду или на расходы* въ суммѣ отъ 25 до 30 рублей и только разъ выдалъ ему въ награду 100 р. за

сообщеніе имъ свѣдѣній о готовящихся террористическихъ актахъ въ С.-Петербурѣ“.

Затѣмъ въ письмѣ Вашемъ сказано:

„Изъ слѣдственныхъ данныхъ можно заключить, что Казанцевъ занимался сыскомъ, но въ качествѣ идейнаго добровольца, по личной инициативѣ, за свой страхъ и рискъ“... „Слѣдствіемъ установлено, что Казанцевъ состоялъ на службѣ у графа (Буксгевдена) въ качествѣ управляющаго, служба эта была не фиктивной, а дѣйствительною“.

Въ чемъ заключалась „дѣйствительная“ служба Казанцева, установлено приведеннымъ выше показаніемъ графа Буксгевдена, относительно же фиктивности его службы въ качествѣ управляющаго дали совершенно опредѣленные показанія повѣренные графа Дубинскій и Шамоинъ.

Совокупность добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ о дѣйствительныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Казанцевымъ и графомъ Буксгевденомъ, въ постановленіи судебного слѣдователя 3 уч. г. Москвы отъ 30 декабря 1908 г. (по дѣлу объ убійствѣ Юлоса, л. 143—144, т. X), изложена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Собранныя по дѣлу данныя относительно участія гр. Буксгевдена въ убійствѣ Юлоса, а именно: близкая его связь съ Казанцевымъ, при разницѣ ихъ общественнаго положенія, принадлежность обоимъ къ одной партіи крайнихъ правыхъ, передача Казанцеву паспорта на имя Олейко, по которому онъ проживалъ въ послѣднее время, выдача денегъ Казанцеву подъ видомъ какъ бы управляющему и на устройство и обзаведеніе кузницы, посылка Коробова въ Спб. за вещами Казанцева вслѣдъ за полученіемъ свѣдѣній объ убійствѣ его, при чемъ Коробовъ, получая вещи, назвался чужимъ именемъ, привозъ вещей Казанцева на квартиру графа Буксгевдена, не могутъ признаваться уличающими графа Буксгевдена въ убійствѣ, т. к. вполне объясняются установленнымъ по дѣлу участіемъ ихъ въ смыслъ по политическимъ дѣламъ“.

Слѣдуетъ думать, что на основаніи приведенныхъ показаній гр. Буксгевдена, бывшаго жандарма Запольскаго и постановленія судебн. слѣдователя, основаннаго на „данныхъ предварительнаго слѣдствія“, я имѣю право утверждать, что Казанцевъ былъ агентомъ, а не „идейнымъ добровольцемъ“, что за розыски по политическимъ дѣламъ и за охрану лицъ должностныхъ и лидеров правыхъ политическихъ партій онъ получалъ денежное вознагражденіе отъ должностнаго лица чиновника особ. поруч. при Моск. ген.-губернаторѣ, и что съ вѣдома и согласія послѣдняго онъ, Казанцевъ, проживалъ по подложному паспорту, подъ именемъ Олейко. Я бы желалъ, чтобы г. министръ юстиціи разъяснилъ, съ какихъ поръ дозволяется держать у себя управляющихъ домами „идейныхъ добровольцевъ-сыщниковъ“, завѣдомо для ихъ нанимателя проживающихъ по чужимъ документамъ.

Я считаю, что общій уголовный законъ былъ нарушенъ здѣсь безнаказанно именно потому, что Казанцевъ завѣдомо и для графа Буксгевдена, и для полиціи охранной и сыскаго былъ агентомъ не „идейнымъ“, а полицейскимъ. Вашему Высокопревосходительству, конечно, не менѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстно, что для того, чтобы быть въ услуженіи полиціи не нужно носить ту или другую официальную марку, что о назначеніи агентовъ сыскаго и охранной полиціи, само собою разумѣется, приказы не отдаются и списки ихъ во всеобщее свѣдѣніе не печатаются, что наиболѣе важные агенты сыска совѣмъ и не числятся въ официальныхъ спискахъ, что они извѣстны только самому ограниченному числу ру-

ководителей сыска, что для того, чтобы быть агентом, не нужно быть русским подданным и что, наконец, можно даже быть существом не мужского пола. Между тѣмъ, Казанцевъ имѣлъ печать охраннаго отдѣленія и подпись его начальника на своей фотографической карточкѣ—и жандармы, какъ это удостовѣрилъ Запольскій, признавали его чиномъ охраны.

Независимо изложеннаго, я имѣю и другія безспорно несомнѣнныя данныя, вытекающія изъ судебного слѣдствія, о томъ, что Казанцевъ былъ агентомъ полиціи, но покуда я считаю излишнимъ ихъ касаться, тѣмъ болѣе, что и приведенныхъ мною совершенно достаточно, чтобы убѣдить всякое лицо—(которое не имѣетъ особыхъ поводовъ утверждать противное),—что Казанцевъ находился въ услуженіи полиціи.

2. „Неуспѣшность розысковъ лицъ виновныхъ въ покушеніи на Вашу жизнь“, сказано въ Вашемъ письмѣ, объясняется между прочимъ тѣмъ, „что Федоровъ и Степановъ пріѣхали для совершенія преступленій изъ Москвы и тотчасъ же уѣхали обратно, *лицо же убитаго Казанцева было настолько сильно обезображено, что узнать его не представлялось возможнымъ*“.

По поводу этихъ двухъ положеній обязываюсь указать:

а) Въ столь важномъ актѣ, конимъ является постановленіе судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ, отъ 10 февраля 1909 г. о предъявленіи правительству Франц. Республики требованія о выдачѣ Федорова, требованія, сдѣланнаго лишь послѣ настоятельнѣйшей моей словесной просьбы, обращенной къ министру юстиціи, между прочимъ изложено:

„Собственноручно написанная Федоровымъ рукопись была впослѣдствіи прислана на имя прокурора Спб. Окр. Суда и приобщена къ дѣлу, *изложенныя въ ней обстоятельства вполне соответствуютъ фактическимъ даннымъ*“.

Братъ Василія Федорова, Федоръ Федоровъ, на допросѣ 13 ноября 1907 г. призналъ, что означенная рукопись дѣйствительно написана Василіемъ Федоровымъ и при этомъ удостовѣрилъ, что послѣ убійства Казанцева Федоровъ оставался въ Спб. *два недѣли* (до 12 іюня).

б) Только при невнимательномъ чтеніи протоколовъ предварительнаго слѣдствія возможно было доложить В. Высокову, что лицо Казанцева было настолько обезображено, что узнать его не представлялось возможнымъ.

Въ протоколахъ судебно-медицинскаго осмотра наружность Казанцева описана чрезвычайно точно: между прочимъ указано, что „выраженіе лица спокойное“ и хотя на лѣвой половинѣ лица оказалось „шесть ранъ“, но *наибольшая* изъ нихъ была длиною всего около 2 сантиметровъ и края ранъ расходились не болѣе чѣмъ на 7 мм. Ни о какомъ пномъ „обезображеніи лица“ въ обстоятельныхъ протоколахъ осмотра не упоминается, что же касается показанія двухъ свидѣтелей, которымъ снятыя съ убитаго фотографическія карточки были предъявлены, то они показали:

Илларионова: „Я не рѣшаюсь утверждать, что на предъявленныхъ мнѣ фотографическихъ снимкахъ, изображающихъ мертваго человѣка, изображенъ Казанцевъ, такъ какъ *трудно разобрать черты лица*“.

Нечинская: „На предъявленныхъ мнѣ фотографическихъ изображеніяхъ мертваго тѣла—я не могу признать Казанцева. Очень уже обезображено лицо на *фотографическихъ снимкахъ*“.

Полагаю, что пропускъ въ докладѣ Вашему Высоковр-ву словъ „на фотографическихъ снимкахъ“ имѣетъ существенное для дѣла значеніе: по плохимъ карточкамъ, на которыхъ черты лица были неясны или „обезображены“, свидѣ-

тели не могли признать Казанцева, но полицейские агенты, которые должны были видеть труп тотчас послѣ убійства, не могли не узнать Казанцева изъ-за того, что у него были раны длиною въ полтора сантиметра на одной половинѣ лица, — и я остаюсь при мнѣніи, что Казанцева не признали потому, что не пытались узнать его.

Ограничиваюсь приведенными примѣрами неполноты представленнаго Вашему Высокопревосходительству доклада, послужившаго основаніемъ къ письму Вашему отъ 2 декабря. Смѣю думать, что то обстоятельство, что Казанцевъ былъ агентомъ правительственной полиціи, бесспорно установлено показаніями самого гр. Буксгевдена и бывшего жандарма Запольскаго.

Пробѣль въ томъ же докладѣ относительно точныхъ свѣдѣній о личности Казанцева важенъ потому, что вся защита графа Буксгевдена и чиновъ полиціи, которыхъ я обвиняю въ умысленномъ бездѣйствіи власти, въ письмѣ Вашемъ отъ 2 декабря построена, главнымъ образомъ, на томъ, что для полиціи не было пѣли не раскрывать личности убитаго и не разыскивать убійць, т. к. убитый Казанцевъ въ охранѣ не состоялъ, а былъ идейнымъ сыщикомъ.

3. Слѣдствіе по дѣламъ о покушеніи на мою жизнь, по мнѣнію, выраженному въ письмѣ отъ 2 декабря, велось согласно закону; запоздалое, черезъ 3 года послѣ совершения преступленій, сообщеніе мнѣ о приостановленіи слѣдствія объясняется будто бы производившимися розысками, сношеніями о выдачѣ Федорова съ правительствомъ Франц. Республики и установленными въ законѣ сроками.

Дозвольте, Ваше Высокопрев-во, покорѣйше просить Васъ и въ особенности г-на министра юстиціи обратить вниманіе на нижеслѣдующія даты, которыя я устанавливаю на основаніи выданныхъ мнѣ судебными слѣдователями копій протоколовъ и постановленій:

покушеніе взорвать мой домъ произведено въ концѣ января, а приготовленіе къ убійству меня разрывными снарядами имѣло мѣсто въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца 1907 года;

собственноручно написанное признаніе Федорова получено прокурорскимъ надзоромъ въ сентябрѣ того же года и только 19 июля 1908 г. состоялось постановленіе о привлеченіи его въ качествѣ обвиняемаго, постановленіе же о привлеченіи соучастника покушенія Алексѣя Степанова составлено судебн. слѣдователемъ 20 февраля 1909 г., а опредѣленіе Окружнаго суда о розыскѣ его черезъ публикаціи состоялось лишь 4 марта 1909 года.

Такимъ образомъ, Федоровъ былъ привлеченъ къ слѣдствію черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ того, какъ сознался въ преступленіяхъ, а личность Алексѣя Степанова установлена только черезъ два года, между тѣмъ, какъ для выясненія его личности слѣдовало произвести, повидимому, весьма несложное дознаніе: мать и братъ Федорова, еще лѣтомъ 1907 г. дававшіе показаніе противъ самого Федорова, на допросѣ у слѣдователя въ 1909 году совершенно откровенно указали на Алексѣя Степанова, какъ на участника въ покушеніи взорвать мой домъ. Я положительно не вижу въ дѣлѣ объясненій, почему власти не потрудились еще въ 1907 году болѣе подробно разспросить Наталію и Федора Федоровыхъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, и такимъ образомъ, выяснитъ виновность Алексѣя Степанова двумя годами раньше, и остаюсь при первомъ мнѣніи, не предвзятомъ, а вытекающемъ изъ данныхъ дѣла: полиція не желала раскрывать виновныхъ въ покушеніи взорвать мой домъ и не желала потому, что раскрыть все дѣло — значило раскрыть, что преступленіе совершено агентомъ Казанцевымъ, въ дѣятель-

ности своей тѣсно связаннымъ съ графомъ Буксгевденомъ. Лица же, наблюдавшія за производствомъ дознанія, не имѣли мужества пойти по другому теченію, быть можетъ, во избѣжаніе столкновенія двухъ министерствъ: внутрен. дѣлъ, находящагося въ управленіи главы правительства, и юстиціи, обыденнаго м-ва, а потому во время всего слѣдствія лавировали.

Я бы ограничился возстановленіемъ этой главнѣйшей стороны дѣла, если бы въ письмѣ В. В-ва не были затронуты еще два вопроса: 1) о томъ, на чьей обязанности лежало опровергнуть взведенное на меня въ засѣданіи Г. Думы гнуснѣйшее и возмутительнѣйшее обвиненіе въ томъ, что я будто бы самъ устроилъ мнимое покушеніе взорвать мой домъ, и 2) о тождествѣ или близкомъ сходствѣ моихъ взглядовъ на дѣйствія правительства со взглядами, высказанными въ прокламаціи с.-р. партіи отъ 19 іюня 1907 г.

По первому изъ указанныхъ вопросовъ обязываюсь, что вполне признаю, что никакой писанный законъ не обязываетъ представителей правительственной власти защищать поруганную честь ихъ предмѣтниковъ по должности. Попутно коснувшись этого щекотливаго вопроса въ письмѣ моемъ отъ 3 мая с. г., я очевидно поступилъ неосмотрительно. Я полагаю (и полагаю), что нравственной обязанностью органовъ правительства является защита чести и добраго имени ихъ предмѣтниковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда такая защита можетъ исходить только отъ правительства: права слова въ Г. Думѣ я не имѣю и привлечь члена Думы за клевету, выраженную съ думской трибуны, мнѣ невозможно. Я сожалѣю и приношу извиненіе В. В-ву въ томъ, что невольно какъ бы упрекнулъ Вася въ томъ, что Вы не поступили въ данномъ случаѣ такъ, какъ бы я считалъ своей обязанностью поступить, если бы мнѣ пришлось быть не предмѣтникомъ, а преемникомъ Вашимъ по должности предсѣдателя Совѣта министровъ, а кто-либо изъ членовъ законодательныхъ учрежденій осмѣлился бы клеветнически приписать Вамъ съ парламентской трибуны дѣяніе, противное чести. Я бы не оставилъ безъ отвѣта и опроверженія клеветы и, не имѣя права заступиться за Петра Аркадьевича Столыпина, безъ его на то уполномочія, я бы съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностью защитилъ бы честь лица, довѣриемъ Государа ранѣе меня поставленнаго во главѣ правительства.

Затѣмъ предположеніе Вашего Высокопревосходительства о томъ, что я не читалъ цитируемой въ письмѣ отъ 2 декабря заключительной части подпольной прокламаціи отъ 19 іюня 1907 г. вполне основательно. Хочу вѣрить, что составитель представленнаго Вамъ къ подписи отвѣта на мое имя не имѣлъ вовсе въ виду хлесткимъ сравненіемъ моихъ объективныхъ выводовъ съ злонамѣренными инсинуаціями неизвѣстнаго агитатора, а можетъ быть, „идейнаго добровольца“ сыска и провокатора, показать мнѣ, какъ опасно и невыгодно въ настоящее время писать откровенно даже предсѣдателю Совѣта министровъ о томъ, что правительство иногда терпитъ злоупотребленія властью подчиненныхъ ему лицъ.

Но кромѣ того составитель сказаннаго письма отъ 2 декабря допустилъ въ своихъ сужденіяхъ такой полемическій приемъ, который, конечно, не могъ бы быть Вами терпимъ, если бы у Вася при подписаніи сказаннаго письма было бы достаточно времени обратить вниманіе на внѣшнюю его сторону. Въ сказанномъ письмѣ послѣ приведенія отрывка изъ прокламаціи говорится: „общій смыслъ этого отрывка, если не считать крайности его фразеологии и упоминанія Высочайшаго имени, въ сущности близокъ къ заключительной части Вашего письма“;—согласитесь сами, Ваше Высокопревосходительство, что приведенный

отрывокъ изъ прокламаціи, который я не желаю тутъ повторять, глубоко возмущителенъ именно вслѣдствіе кощунства надъ священнымъ и неприкосновеннымъ именемъ Его Величества, а потому находить какую бы то ни было аналогію между сказаннымъ отрывкомъ и заключеніемъ моего письма возможно лишь при самообольщеніи, состоящемъ въ томъ, что указывать на уиущенія не только министровъ, но даже подвѣдомственныхъ имъ органовъ, нѣчто подобно оскорбленію имени Государя Императора.

Принося искреннюю благодарность В. Высочайшему Велѣтельству за озвученіе, согласно моей просьбѣ, съ содержаніемъ моего перваго письма и Вашего отвѣта отъ 2 декабря гг. членовъ Совѣта министровъ, я принимаю на себя смѣлость просить Васъ продолжить то же благожелательное ко мнѣ отношеніе и познакомить гг. членовъ Совѣта министровъ и съ настоящимъ моимъ отвѣтомъ. Но т. к., очевидно, для совѣта министровъ не представляется никакой возможности изучить все дѣло и проверить правильность и основательность моихъ указаній и возраженій, то испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на порученіе рассмотреть весь слѣдственный матеріалъ по дѣлу о двукратномъ покушеніи на мою жизнь кому-либо изъ гг. членовъ Г. Совѣта—сенаторовъ, т.-е. независимо и компетентному сановнику. Смѣю думать, что всѣмъ извѣстное и справедливо оцѣниваемое стремленіе Вашего В-ва довѣрять разслѣдованіе важныхъ дѣлъ нелицеприятнымъ членамъ высшихъ учреждений въ Имперіи найдетъ себѣ примѣненіе и въ данномъ случаѣ не потому, что вопросъ идетъ о давно всѣми забытыхъ покушеніяхъ на мою жизнь, а въ виду того, что предметникъ Вашъ по должности предсѣдателя Совѣта министровъ жалуется на то, что полицейское дознаніе по дѣлу производилось въ обѣихъ столицахъ пристрастно, а предварительное слѣдствіе уклончиво и медленно. М-ръ Юстиціи и Ваше Высоч-во находите, что все по дѣлу обстояло и обстоитъ благополучно, я съ этимъ не согласенъ и желаю бы, чтобы наше разногласіе было раз навсегда и окончательно разрѣшено компетентнѣйшею и независимою властью, каковою, какъ изложено выше, признаю власть избраннаго *независимаго и самостоятельнаго* сановника члена Гос. Совѣта—сенатора изъ числа бывшихъ высшихъ судебныхъ дѣятелей: бывший предсѣдатель Совѣта министровъ Горемыкинъ, бывшіе министры юстиціи графъ Паленъ и Манухинъ, сенаторы Копп, Таганцевъ, Дурново, Гончаровъ, Дейтрихъ, Кобылинскій, Турау“.

Въ отвѣтъ на это второе письмо П. А. Столыпина официально сообщила графу С. Ю. Витте 23 февраля 1911 г., что его просьба пересмотрѣть дѣло о покушеніи была рассмотрѣна въ Совѣтѣ министровъ, который не нашелъ никакихъ неправильностей въ дѣйствіяхъ административной, судебной и полицейской власти, и что, согласно получившему утвержденію мнѣнію Совѣта министровъ, дѣло это считается законченнымъ.

Этому официальному оповѣщенію предшествовало личное столкновеніе этихъ двухъ дѣятелей, имѣвшее мѣсто въ кулуарахъ Государственнаго Совѣта въ январѣ 1911 года и возникшее на почвѣ письма графа С. Ю. Витте отъ 16 декабря 1910 г., произведшаго, повидимому, на П. А. Столыпина сильное впечатлѣніе.

Столкновеніе это выразилось въ довольно рѣзкомъ словесномъ от-

вѣтъ графа С. Ю. Витте на рѣзко же поставленный П. А. Столыпинымъ вопросъ. Эпизодъ этотъ, рассказанный мнѣ покойнымъ графомъ С. Ю. Витте, я не считаю себя въ правѣ излагать здѣсь. Въ мемуарахъ графа онъ, насколько мнѣ извѣстно, записанъ.

Этотъ инцидентъ, въ связи съ приведенной перепиской, прекратилъ отношенія двухъ бывшихъ премьеровъ, сыгравшихъ видную роль въ исторіи родины. Съ тѣхъ поръ они не сталкивались. Вскорѣ одинъ изъ нихъ палъ отъ руки агента сыска, бывшаго революціонера. И въ этомъ дѣлѣ многое осталось недоговореннымъ и роли нѣкоторыхъ лицъ въ выясненіи...

Л. Львовъ.